

Несет река Керженец сквозь темные леса свои воды, напитанные вековыми торфяниками, матушке Волге. Течет, меняется жизнь, а Керженец все так же поет омутами, огибает валежины, дарит людям прохладу. Так и стихи Б. Корнилова живут, несмотря на бурные перемены и крутые повороты жизни.

На одной из центральных улиц районного городка Семенова в массивном краснокирпичном усадебном доме купца-старообрядца П.П. Шарыгина ныне размещается районный историко-художественный музей. В 20-е годы прошлого века здесь был коммунистический клуб. Собиралась молодежь, ставились спектакли, выпускалась газета «Комса» и сатирический журнал «Ложкой по лбу», где и увидели свет первые стихи Бориса Корнилова. Ему было восемнадцать, когда публикации его юношеских стихов под псевдонимом Борис Вербин стали появляться в губернской газете «Молодая рать». Нижегородские литераторы узнали и запомнили это имя.

Как рассказывала мне младшая сестра Б. Корнилова Александра Петровна Козлова (Корнилова), спектакли в стихах вместе с доморощенными артистами переместились в районный клуб из их дома. Автором и заводилой всегда был Борис, энергия его была ключом, вокруг него собиралась уличная ребятня. В доме по вечерам устраивались семейные чтения вслух, детям на дни рождения дарили книги. Борис, казалось, успевал везде – он хорошо учился, много читал, сочинял поздравительные куплеты, сценарии праздников.

В музейной экспозиции жилой комнаты семьи учителей Корниловых – этажерка с книгами, на столе шахматная доска с самодельными фигурками (любимая игра отца и сына), ягодный туюсок, семейные

фотографии, открытки, письма – все завещано и передано в дар музею матерью поэта Таисией Михайловной Корниловой (1884–1979 гг.).

Вот на фотографии Борису пять лет, в руке книга – подарок отца на день рождения. Вот праздничная открытка, старательно написанная восьмилетним Борей Корниловым: «Евгению Ивановичу Самосскому, 1915 год: Дорогой кока! Поздравляю с Днем Вашего ангела. Бабу Лизу с дорогимъ именинником и желаю быть Вамъ здоровым. Боря». Здесь, в заволжском крае, до сих пор в народе крестного отца и крестную мать называют так – «кока». Борис окрещен на второй день после рождения в Вознесенском соборе г. Семенова 17 июля по старому стилю.

Кто же он, этот именинник, выбранный родителями крестным отцом своего первенца? Евгений Иванович Самосский – первый уездный врач в Семенове, уважаемый в округе человек, горячо почитаемый Корниловыми. Е.И. Самосский был ангелом-хранителем семьи Корниловых, к нему обращались за поддержкой, за житейским советом, врачебной помощью. Свет высокой духовности, щедрости этой личности вольно или невольно распространялся на окружающих, конечно, и на детей Корниловых. О детстве будущего поэта мы узнаем из записей Таисии Михайловны.

В музее хранятся написанные ровным учительским почерком две школьные тетради в линейку: «Воспоминания Корниловой Т.М.», мать поэта написала их по просьбе музея в последние годы жизни. Таисия Михайловна рассказывает о семейных нуждах, с какими трудностями они, сельские учителя, строили дом в Семенове, много о муже, детях, о Борисе, меньше всего о себе. Она как бы рассуждает, что ничего особенного нет в ее биографии: родилась в семье служащих мануфактурного магазина в Семенове, учительскую профессию получила здесь же, в родном городке, была направлена на работу в начальную школу села Покровское Семеновского уезда. Неподалеку, в селе Безводном, учительствовал, тоже в начальной школе, Петр Тарасович. «В 1906 году поженились, в 1907, 16 июля по старому стилю, 29 по новому родился Борис. Елизавета – в 1909, Александра – в 1910».

Петр Тарасович Корнилов (1884–1938 гг.), как видим в записях, один из пяти сыновей сельского батрака, своим трудом пробивал он жизненную дорогу. Успешно учился в церковно-приходской школе в селе Перелаз Семеновского уезда. Старательного восьмилетнего мальчика заметил уездный врач Евгений Иванович Самосский и взял в семью. Он платил за учебу своего воспитанника в Семеновском городском училище и на двухгодичных курсах учителей начальной школы в Нижнем Новгороде, которые Петр Тарасович окончил в 1903 году Петр Тарасович относился к своему покровителю почтительно, как к родному отцу, это почтительное отношение передалось его детям.

В селе Покровском семья молодых учителей жила при школе (не уцелела во время пожара), здесь первые полтора года жизни провел их первенец Борис. Село стоит на берегу реки Керженец, из-под крутого берега подает голос родник, не замерзающий и в лютые морозы. Поет, не умолкая. Бережно относятся к своему роднику сельчане, смотрю, подновили сруб, мостки, вокруг чистота. А на скамейке – берестяной рожок, чтоб воды зачерпнуть, утолить жажду, набраться сил.

Дважды дотла выгорало Покровское, это участь многих окрестных лесных деревень, проходит год, два, и эти села отстраиваются на том же месте. Испокон веку живут здесь старообрядцы, а они, как известно, не меняли родные места, не предавали свою веру. Здесь «гуляют и лось

и лиса // И на каждой лесной версте, // У любого кержачьего скита // Русь, распятая на кресте, // На старинном, на медном прибита. // Девки черные молятся здесь, // Старики умирают за делом // И не любят, что тракторы есть – // Жеребцы с металлическим телом», «На Керженце». Так в ранних стихах воспел свою Родину Б. Корнилов, и в годы, овеянные беспощадной революционной романтикой, исторической забывчивостью, отрицанием бытового уклада народной жизни, он в поэзии возвращается и возвращается в свой край, домой.

Как личность, как поэт он вырос здесь, в керженском краю, где столетиями в раскольничьих скитах жил аввакумовский стоицизм, формировался свободолюбивый «кержацкий» характер. Сюда, к Светлояр-озеру, поглотившему Китеж-град – красоту и тайну Руси, шли за разгадкой этой тайны просвещенные люди.

Его ранние стихи и первые стихи ленинградского периода признаны классикой: «Ольха», «Лошадь», «Айда, голубарь, пошевеливай, трогай...», «На Керженце», «Начало зимы», «Чаепитие», «Дед» и другие, написанные в возрасте от 18 до 27 лет, свидетельствуют о том, что в творчестве он шел самостоятельно, независимо от чужих влияний и мнений. Б. Корнилов жил и учился в Ленинграде в годы суровой революционной ломки. Он останавливал себя («Замолчи, нам про это не петь», «На Керженце»), переходил на современные темы и снова, снова возвращался к истокам.

В пять лет Борис научился читать. В начальной школе с. Дьяково, куда переехала семья из Покровского, он учился в классе отца, и учился охотно. Из «Воспоминаний» Т.М. Корниловой: «К 1925 году у него имелась тетрадь со стихами. В детстве любил природу, реку, рыбную ловлю. Часто с товарищами уходил на рыбалку на реку Санохту, что в полутора километрах от Семенова, а то и на Керженец, за 8 километров. Книга всегда была его спутником. У нас в хозяйстве имелась лошадь, за которой ухаживал Борис, уводил ее в ночное и приводил утром домой. Любил торжественно приехать верхом, а то и вскачь, чтоб я из окна видела». Вспоминаются ранние стихи Б. Корнилова, которые своей теплотой покорили ленинградских поэтов: «Дни-мальчишки, // Вы ушли, хорошие, // Мне оставили одни слова, // И во сне я рыженькую лошадь // В губы мягкие расцеловал...»

«Муж вернулся с войны в 1920 году после тифа. Был очень слаб, стройка дома не двигалась. В Дьякове у нас была своя полоска земли, которую засеяли рожью. Всей семьей работали не покладая рук, дети трудились не отставая. Урожай получили хороший и стройка сдвинулась».

Из Дьякова семья переехала в уездный городок Семенов. Сначала жили на съемной квартире на улице Сластиюнинской. Неподалеку на Верхнебазарной площади приземистое кирпичное здание школы, сейчас около входной двери мемориальная доска: «Здесь с 1918 по 1924 год учился поэт Борис Петрович Корнилов». Рядом – памятник поэту из красного гранита (скульптор А.А. Бичуков), где всегда 29 июля, в день рождения Б. Корнилова, лежат цветы.

Судьба даровала матери поэта долгую жизнь, Таисия Михайловна Корнилова прожила 96 лет, словно вобрав жизни дорогих людей – мужа, сына, рано умершей дочери Елизаветы. Так и не узнала всей правды о гибели своих родных. В марте 1937 года арестован Борис, долгие годы ни слуху ни духу. Вскоре забрали Петра Тарасовича и еще нескольких семеновских учителей, потом сообщили, что муж умер 10 июня 1939 года

в тюремной больнице. Тогда же в Ленинграде были арестованы младшая сестра Таисии Михайловны Клавдия Михайловна и зять, это у них некоторое время жил Борис.

Ждала мать, хранила всякую дорогую сердцу вещицу, связанную с сыном. По-семеновски круто окая, желающим слушать наизусть читала стихи, где сын обращался к ней: «Ну, одену я одежду – // Новую, парадную, // Ну, приеду... Что скажу, // Чем тебя порадую?» Жизнь матери и жены репрессированных складывалась непросто. В доме она осталась одна, младшая дочь учительствовала в селе. Было время, с ней, матерью поэта, не здоровались земляки, проходили мимо, не поднимая глаз. Что уж говорить о том, что никогда не вспоминали о сыне, не отмечали ее никакими поощрениями за долгий учительский труд...

Здесь, в районном историко-художественном музее, в 1920-е годы был не только клуб, еще уездный райком комсомола (уком), кипела комсомольская жизнь. Я представила, как юноша Борис Корнилов, работавший в укоме, ходил по этим комнатам, смотрел в эти окна, проводил пионерские слеты. Вот на музейных фотографиях он вместе с друзьями, вдвоем с Павлом Шляпниковым, в группе с Василием Молчановым, Кузьмой Краюшкиным (стал учителем, в 1929 году убит «кулаками»), Алексеем Егоровым. В архивных списках есть документы о рейдах «особого назначения» семеновских комсомольцев, где мелькают эти фамилии, но в них, как свидетельствуют музейные работники, не значится имя Б. Корнилова, всего скорее потому, что он отвечал за другие участки работы (вожак пионерии, делопроизводитель).

Стихотворение «Открытое письмо моим приятелям» написанное Б. Корниловым в 1931 году в Ленинграде, навеяно лирическими воспоминаниями о друзьях молодости. Удивительно складно «ложится», казалось бы, протокольная тема: «Все мои приятели – // Все бюро райкома – Лешка Егоров, // Мишка Кузнецов, // Комсомольцы Сормова, – // Ребята – иже с ними. // Я такой же аховый – // парень – вырви гвоздь... // Точка. – Снова вижу вас // Глазами косыми // Через пятилетие, большое насквозь...» Поэт легко переходит к раскованной, песенной манере: «Ишь ты, поди ж ты, // что же говоришь ты...», «Ты ль меня, я ль тебя...» И делает вывод: «...мальчики что надо, // каждый знает дело, не прет на авось, – // “Молодость и дружба” – сквозная бригада // через пятилетье, большое насквозь».

Одна из музейных выставок, посвященная поэту, называлась «Все мои приятели». Первая книга Б. Корнилова – «Молодость» (1928 г.), следующая «Все мои приятели» (1931 г.). Как видим, обращение к заветам дружбы, верности идеалам молодости не оставляют поэта в первые и в последующие годы жизни в Ленинграде. Как истинный талант он явился миру сразу сформированным мастером стиха (такowymi пришли из провинции в столицу С. Есенин, Н. Клюев, С. Клычков, П. Васильев).

Семеновский уком комсомола принимает решение «об откомандировании Бориса Корнилова в государственный институт журналистики или в какую-нибудь литературную школу, так как у т. Корнилова имеются задатки литературной способности». Как пишет близко знавший поэта писатель и редактор К.И. Поздняев, в Ленинграде он сумел попасть лишь на Высшие курсы искусствознания при Институте истории искусств (да и то не сразу). Я вспоминаю, как на одном из поэтических праздников в Семенове однокурсник поэта Д.А. Левоневский (ему посвящен цикл стихов Б. Корнилова «Апшеронский полуостров»), рас-

сказывал: «Корнилов, к удивлению нас, истинных питерцев, выделялся своей начитанностью, глубиной филологических знаний и тогда уже очевидным выразительным поэтическим талантом».

Александра Петровна, сестра поэта, как-то обронила, что «его из дома увели стихи», и, наверное, это так и есть: «Из газет тогда мы узнали, что Сергей Есенин переезжает жить в Ленинград, и Борис загорелся желанием ехать туда, чтобы познакомиться с поэтом, стихами которого бредил. Мама отпустила его, скрепя сердце, и то потому только, что в Ленинграде жила ее сестра, наша тетя Клава, и жили они вдвоем с мужем, инженером одного из заводов, обеспеченно и в хороших условиях, Борис поехал к ним. Предварительный билет был куплен в середине декабря на 5 января 1926 года, Есенина он уже не увидел».

В литературном объединении «Смена» под руководством Виссариона Саянова он с первых выступлений произвел на всех неизгладимое впечатление. Уверенный в себе, с уже сложившимся поэтическим взглядом, читал первые свои стихи, в которых было нескрываемое подражание запрещенному в то время С. Есенину. На такое мало кто осмеливался. Подкупали неподдельная искренность, открытость, знание быта русской уездной жизни, темперамент. Русская поэзия ждала заполнения искусственно создаваемых пустот, и Борису Корнилову рукоплескали.

Природная одаренность брала свое, удивительно, как самые, казалось бы, заданные темы у Б. Корнилова одухотворены, мелодичны: «И вот опять секретари в райкомах // Поют переживания свои», «Кипит вода, лаская // Тяжелые суда, // Зеленая, морская...» И разговорные словечки: «ать-два», «амба», громоздкие, «неотесанные» обороты всегда к месту. Естественность чувства, словно светлый родник, пробивается сквозь искусственные напластования заданных тем. Необыкновенный, редкостный песенный дар был у поэта Б. Корнилова, умение самую, казалось бы, «сухую» тему приподнять и высветить.

Кто же были они, товарищи Б. Корнилова? Их снова в городке их молодости Семенове вместе собрала музейная выставка «Все мои приятели».

Первым председателем семеновской уездной комсомолки был Евгений Иванович Жидилов (1899–1977 гг.). Это был старший товарищ Бориса Корнилова, с которого хотелось брать пример. Родился в селе Спасском Семеновского уезда, работал телеграфистом, вступил в ряды партии большевиков, в Красную армию, окончил Нижегородские пехотные курсы красных командиров. В Первую мировую воевал под Перекопом. Зная жизненный путь своих старших товарищей, слушая рассказы отца, Б. Корнилов живо рисует героические образы, сожалея, что «опоздал родиться».

На мемориальной доске, установленной на здании диорамы «Штурм Сапун-горы» в Севастополе значится сводный отряд 7-й морской бригады под командованием полковника Е.И. Жидилова. Это он, Евгений Иванович Жидилов, вместе со своими матросами все 250 героических дней оборонял Севастополь. В послевоенные годы генерал-лейтенант Е.И. Жидилов служил на Дальнем Востоке, обучал военному делу десантников. Что помогало выдерживать нечеловеческие тяготы? Кержацкий характер, настроенный на преодоление, выносливость.

Среди семеновских ровесников поэта Сергей Васильевич Афоншин (1908–1984 гг.) – фронтовик, газетчик, учитель, писатель, автор удивительных сказок. Человек неподкупный, преданный учительской

профессии. У него есть рассказ «Серебряный горн», где он поведал о знакомстве с Борисом Корниловым в ранней юности, как был очарован его лирикой, может, писать-то начал от этого впечатления. Долгие годы работал учителем начальных классов на дальнем лесном кордоне на берегу Керженца, не стал приспосабливаться к предлагаемым обстоятельствам, «сослав себя в добровольную ссылку», подальше от нахлынувшей после войны несправедливости.

Оставил свои воспоминания и поэт Константин Мартовский. Прогуливаясь по нижегородскому Откосу с наезжавшим из Ленинграда Б. Корниловым, вспоминали семеновскую молодость, первые публикации: «Я тогда учился в сельхозинституте. Борис это не одобрял, говорил, что поэзии надо отдаваться целиком или совсем не писать. Жестко, резко говорил. Сам он много читал, относился к стихам как к ежедневной работе, много печатался».

Всего один раз мальчишкой видел на городском празднике Бориса Корнилова, приехавшего домой из Ленинграда, семеновский краевед Карп Васильевич Ефимов, но, как он говорил: «поэт прошел со мной по всей жизни, многому научил». Он так описывает в очерке «Дело поэта» (семеновская районная газета «Ленинский путь», 27 июля 1991 г.) свое состояние, когда после многолетних поисков сведений о гибели Б. Корнилова оказался в управлении КГБ Ленинграда: «Сотрудник открыл дипломат, взял из него средней толщины том следственного дела и передал мне. Дрожащими от волнения руками я взял папку, прижал к своей груди, и мне показалось, что я как будто встретил и обнял Бориса Петровича». Воистину, пока есть такие люди, нам не грозит беспамятство.

На один день приехал Карп Васильевич в Ленинград, чтобы побыть в квартире Корниловых в писательском доме. Двери ему не открыли. Спускался по ступенькам, по которым вели арестованного Б. Корнилова, ясно представив эту картину. Посидел во дворе, поговорил с бывшей соседкой Корниловых. Достопримечательности Северной столицы не видел, не было настроения, поездом уехал домой, в Семенов.

В музейной экспозиции можно увидеть семейную фотографию, запечатлевшую молодую семью Бориса Корнилова и Ольги Берггольц в один из приездов из Ленинграда к родителям. Петр Тарасович бережно держит на коленях внучку Ирину (1928–1936 гг.). Помню, как сестра поэта Александра Петровна, которая многие годы жила и учительствовала в деревне Беласовка Семеновского района (на местном кладбище похоронена Таисия Михайловна), рассказывала о том, как горько переживали Корниловы, получившие известие о семейной драме Бориса, а позже о смерти его дочери. В одном из писем домой, в Семенов, Борис сообщил о предстоящей длительной командировке и просил кого-нибудь приехать в Ленинград и забрать дочку из семьи Берггольц. Спешно собравшись, поехала за внучкой Таисия Михайловна. Вернулась домой расстроенная, ведь семья сына распалась, а мать Ольги Федоровны оставила Ирину у себя и не отдавала даже на время.

Нам остается только догадываться о потрясениях Б. Корнилова, оставшегося сначала без жены, без семьи и дома, и вот еще удар – не стало единственной дочери. Как тут не вспомнишь его строки: «Меня ни разу не встречали // Заботой друга и жены...»

Б. Корнилову удалось не сломаться, остаться самим собой, выдержать и жизненную неустроенность, и нещадные обвинения критики в «есенинщине», «ремизовщине», «диком таланте», «яростной кулацкой пропаганде». Кержацкий характер! Стихи Б. Корнилова остались, пото-

му что он был «сентиментален, оптимистам липовым назло» («Елка», 1934 г.). Ну и попало ему за эту строчку от пишущей братии. Вновь и вновь являлись ему сокровенные мгновенья, чаще всего связанные с памятью детства, юности, юношеской любовью к семеновской красавице Тане Степениной, когда хотелось петь не хором, а один на один, от сердца к сердцу: «Моя девчонка верная // Опять не весела, // И вновь твоя губерния // В снега занесена...» («Лирические строки», 1927 г.), «Гуси-лебеди пролетели, // Чуть касаясь крылом воды, // Плакать девушки захотели // От неясной еще беды» («Вечер», 1934 г.). Сколько же в нем было потаенной, подспудной силы, до конца так и не раскрытой, никем не познанной.

На первом съезде советских писателей в 1934 году о поэзии Б. Корнилова тепло отозвался не только старший собрат по перу Николай Тихонов, поэзию которого он ценил, но и крупный партийный идеолог Николай Бухарин, известный точными оценками в литературе и основной докладчик по поэзии: «Следует особо сказать о Борисе Корнилове. У него есть крепкая хватка поэтического образа и ритма, тяжелая поэтическая поступь, яркость и насыщенность метафоры и подлинная страсть... У него “крепко сшитое” мировоззрение и каменная скала уверенности в победе». В то время как А. Безыменского докладчик упоминает по-братски, как бы похлопывая по плечу, «наш Саша», многих поэтов, которые тогда были на слуху, не упоминает.

В его оптимистической, уверенной песне нет-нет да пробьется тревожная нота: «Сосны падают с бухты-барухты, // Расшибая мохнатые лбы, // Из лесов выбегая на тракты, // Телеграфные воят столбы...» («Прадед», 1934 г.), «Злая осторожность добермана // До конца похожа на мою...» («Собака», 1936 г.)...

Что мы находим в стихотворении «Елка» (1934 г.) при сегодняшнем прочтении? Осознанную картину окружающего: «Здесь все рассудку незнакомо, // Здесь делай все, хоть не дыши, // Здесь ни завета, ни закона, // Ни заповеди, ни души...» Для Б. Корнилова такой мир «темный и пустой». Как в мире пустоты не потерять себя, устоять?

А я пророс огнем и злобой,
посыпан пеплом и золой, —
широколобый,
низколобый,
набитый песней и хулой.
Ходил на праздник я престольный,
гармонь надев через плечо,
с такую песней непристойной,
что богу было горячо.

Таланту подлинному дается дар предчувствия, так было и с Б. Корниловым — он видел близость конца. В «Прадеде» рисует свой портрет с прадеда Якова, укрывшегося в дремучем лесу со своими единомышленниками, они не хотели жить по общим правилам: «Я такой же, // С надежной ухваткой, // Мутным глазом // И песней большой, // Вашим голосом, // Вашей повадкой, // Вашей тягостною душой». Поэт называет себя «последний из вашего рода» и предрекает таким свободолобивым людям, как прадед: «Вас потом поведут под конвоем // Через несколько лет в Соловки». Сбылось, но с одной поправкой — не «вас», а «нас потом поведут...»

Да, стремился идти в ногу со временем, словно запевала, своеобразно запечатлевая в стихах советский миф («Интернациональная», «Октябрьская», «Пограничная», «Рассказ красноармейца» и другие). Он был постоянным автором солидных изданий, газеты «Известия», журнала «Новый мир». Его поддерживал генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Косарев, Б. Корнилову не отказывали в длительных командировках по стране, свою поэму «Триполье» он читал на бюро ЦК ВЛКСМ в присутствии А. Косарева.

Поэма Б. Корнилова «Триполье» (1933 г.) посвящена трагической гибели комсомольского отряда. Б. Корнилов к этому времени выбыл из комсомола и не стал, как друзья его юности, партийцем. Это отмечено в графе «партийность» следственного дела по обвинению Корнилова Б.П. № 23229. От протоколов допроса (их восемь) остается ощущение преднамеренной заданности.

Из тайников Белого дома, как ленинградцы называют управление КГБ, поднято это следственное дело с пометкой «хранить вечно». Недоступность документов опровергло время. Перелистаем некоторые из этих всего вероятнее заведомо составленные документы.

В день ареста 20 марта 1937 году состоялся первый допрос Б. Корнилова, который вел оперуполномоченный младший лейтенант госбезопасности Лупандин, он же 19 марта арестовывал поэта.

Не верится, что поэт мог так оговорить себя: «...кроме того я являюсь автором контрреволюционных литературных произведений, к числу которых относятся: “Елка”, “Чаепитие”, “Прадед”. Во всех этих произведениях я выражал сожаление о ликвидации кулачества, давал контрреволюционную клеветническую характеристику советской действительности, воспевал кулацкий быт...»

Представляет интерес квитанция, подшитая в дело, в ней перечислены вещи, изъятые при определении заключенного в камеру: рубашка, запонки галстук. Отправиться на «черном вороне» при параде? Возможно это была, своего рода, бравада, вызов.

В одном из протоколов вопрос: «С кем из участников контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации поддерживали отношения?» В перечне значится фамилия семеновских приятелей Б. Корнилова Александра Клинова и его жены Антонины. С ними вместе юный Б. Корнилов работал в Семеновском уездном комитете комсомола (их портреты хранятся в музее). На музейной выставке «Все мои приятели» с фотографий смотрят веселые лица, Антонина в кожаной куртке и повязанной по моде того времени косынке.

В статье «Друзья-приятели» в районной газете «Ленинский путь» от 28 февраля 1991 года краевед К.В. Ефимов об Александре Алексеевиче Клинове (1904–1936 гг.) пишет, что он был членом бюро укома комсомола, где и подружился с Б. Корниловым. Родился в бедной многодетной семье в деревне Кривцово Семеновского уезда (эта деревня сейчас не существует). В 1925 году принят в ряды партии, учился в совпартшколе, работал в краевом отделе народного образования, учился на вечернем отделении пединститута. В 1932-м его направили на учебу в институт адъюнктов при Ленинградской военно-политической академии (адъюнкты – лица, готовящиеся к преподаванию в военных академиях). Окончив учебу, преподает в академии историю СССР, затем возглавляет кафедру. Приказом народного комиссара обороны ему было присвоено воинское звание «батальонный комиссар» (подполковник). Научные труды А.А. Клинова по истории СССР выпущен-

ны отдельными изданиями и хранятся в Государственной библиотеке имени Ленина в Москве.

Младшая сестра А.А. Клинова Лидия жила в Ленинграде в семье брата (ей тогда было двенадцать лет), нянчилась с маленькой племянницей Инной. Инна родилась в Нижнем Новгороде в 1931 году, и на крестинах девочки присутствовал Б. Корнилов.

К.В. Ефимов нашел Лидию Алексеевну в г. Дзержинске Горьковской (Нижегородской) области. Немало интересного она рассказала о ленинградской жизни. Б. Корнилов один и вместе с гражданской женой Людмилой часто бывал в доме своих семеновских друзей. Хозяйку дома Антонину по старой привычке он называл «Антанта», друга – «Сашка», не иначе. В этой семье умели ценить по-мальчишески открытый, ершистый характер незабронзовевшего поэта. У Клиновых было много книг Б. Корнилова с автографами. Детская память Лиды сохранила, как шумно веселился «дядя Боря», какие устраивал сюрпризы. С получением гонорара за сказку «Как от меда у медведя зубы начал болеть» удивил всех – принес Клиновым чемодан конфет, все наелись до отвала.

Лидия Алексеевна вспоминала: «18 июня 1936 года семья выехала на родину. На вокзале нас провожали брат и Корниловы. После отъезда от Александра Алексеевича получили несколько писем, но затем они перестали приходить. Мы, естественно, забеспокоились. И вот получаем открытку от 24 июля: “Таня (так брат называл жену Антонину), милая, дорогая! Прими, милок, для себя печальную весть спокойнее. Я арестован и с 10 июля 1936 г. нахожусь в НКВД в ДПЗ (дом предварительного заключения), поэтому долго молчал. Не плачь, Танюша, не убивайся. Помни и задумайся больше не обо мне, а о ребенке (в августе родился сын). Лишнее расстройство отразится на нем, поэтому побереги силы и перенеси горе спокойнее».

Мы сразу же вернулись в Ленинград. Квартира была опечатана. Соседи рассказали, что арест прошел в ночь с 10 на 11 июля. Вечером у Александра Алексеевича были Б. Корнилов, Гурвиц, Щербаков. Часов в 10 они ушли, а в 12 пришли пять работников НКВД и сделали обыск. Наутро они увезли брата».

К.В. Ефимов считает, что причиной ареста А.А. Клинова могло послужить партийное собрание в Военно-политической академии от 15 марта 1928 года, где коммунисты поставили вопрос о недостаточно четком и твердом руководстве Вооруженными силами со стороны Реввоенсовета и Политического управления. К. Ворошилов откликнулся на резолюцию партсобрания негативной оценкой. Началась чистка руководства академии. Но Клиновы приехали в Ленинград в 1932 году. И тогда в академии бродили настроения недовольства руководством Вооруженными силами, и А.А. Клинов, возможно, разделял протестные настроения, поступая по совести, а не как было положено. 180 работников академии арестовали в ночь с 10 на 11 июля 1936 года. Обвинили в троцкизме, правом уклонизме. К тому же убийство Кирова в Ленинграде, как известно, повлекло волну арестов.

Клиновы, Антонина без работы, двое маленьких детей, Лида – третий ребенок были обречены на полную нищету. Б. Корнилов позвонил им сразу же по приезде семьи в Ленинград, в этот же день пришел. «Успокаивал, сказал, что навестил Сашу в ДПЗ. Когда был репрессирован брат, от нас отвернулись друзья, но Корниловы не изменили прежнее отношение, помогали чем могли. Борис приходил сначала днем,

потом ночью с неизменным чемоданом с продуктами. Однажды сказал, что его выследили, проверили чемодан, пригрозили, приказали забыть этот дом. 28 августа Антонина Дмитриевна родила сына, назвала его Александром. В роддоме и после выписки ее навещали Корниловы».

Не миновала Клиновых участь ссыльных, их срочно, не дав собраться, отправили в Казахстан. В это время Корниловы помогали семье в сборах, не боясь привлечь внимание НКВД. 11 декабря проводили на вокзал, помогли устроиться в вагоне. Новое поселение стало для семьи Клиновых вечным, горькая участь миновала лишь Лиду, которая смогла вернуться в родные места.

Рискованно было показываться на вокзале перед составом отъезжающих переселенцев. Лидия Алексеевна рассказала, что Борис появился неожиданно со своим неизменным чемоданом, передал на дорогу 200 рублей со словами: «Купите фруктов Сашке», еще какие-то продукты и теплую одежду нам, которая очень пригодилась».

Молодость. Это состояние души несло его по жизни, не давая отложить перо и бумагу. Он обдумывает свое бытие: почему все вместе, а он в стороне... «Здесь пухлым елкам нет числа. // Как много их... // Но тут же сбоку // Еще одна произросла...» Это состояние отъединенности, упрямое, не подверженное влияниям кержацкое нутро, несхожесть с другими подметил Ярослав Смеляков в стихотворении «Три витязя» (литературные сверстники, друзья: Б. Корнилов, Я. Смеляков, П. Васильев): «...он тогда у общего кормила, // недвижно скособочившись стоял...»

А елка его семеновской молодости «растет, шумя плечами». Поэт напутствует: «Ну, живи, // расти, не думая ночами // О гибели и о любви, // Что где-то смерть, // Кого-то гонят, // Что слезы льются в тишине // И кто-то на воде не тонет // И не сгорает на огне». Поэт подводит жизненный итог за три года до гибели: «Уйду из этой жизни прошлой // Веселой злобы не тая, – // И в землю втоптана подошвой – как елка – молодость моя» («Елка», 1934 г.).

К делу Б.П. Корнилова приложены документы 1955 года, предшествующие реабилитации: письмо-ходатайство Ленинградской писательской организации за подписью Холопова и Чивилихина и заявление О.Ф. Берггольц – первой гражданской жены Б. Корнилова. Она чисто-сердечно берет на себя вину за развал семьи, признает талант и добрые человеческие качества мужа и отца Б. Корнилова.

Наконец, документ, подводящий черту в деле, гласит: «Приговор военной коллегии Верховного суда СССР от 20 февраля 1938 года в отношении Корнилова Бориса Петровича в связи с открывшимися обстоятельствами отменить, дело прекратить за отсутствием состава преступления»...

В 1935 году Б. Корнилов выпускает 11-й сборник стихов «Новое», в следующем году создает удивительный по жизнеутверждающей силе лирический цикл о Пушкине. Его поэзия выдержала водоворот похвалы и опалы, 20-летнее умолчание. Возрождение началось в шестидесятые годы прошлого века. Эта поэзия достойно выдержит и нынешнее время переоценки ценностей как явление подлинное, природное. Б. Корнилов ушел тридцатилетним, оставив нам мелодию родниковой чистоты, голос, узнаваемый каждой строчкой в хоре поэтических голосов.

В старом городке Семенове, как и прежде, несуетный, размеренный быт. Здесь свои радости – открылся музей истории хохломы, семеновские сувениры представляли Россию на сочинской Олимпиаде,

на чемпионате мира по футболу. Действует старообрядческий приход, чего давно добивались верующие. В Доме культуры отремонтировали большой зал, где проходят выставки художников и читают стихи поэты.

Каждый год 29 августа, в день рождения Бориса Корнилова, городок Семенов заметно оживает – из распахнутых окон Дома культуры звучит ставшая воистину народной песня «Нас утро встречает прохладой...» (музыка Д. Шостаковича, слова Б. Корнилова), в библиотеке книжная выставка и встреча с писателями, в музее – обновленная экспозиция. Электричка Нижний Новгород – Семенов, районная библиотека и улица названы именем Б.П. Корнилова. И снова Борис Корнилов зовет за собой в дорогие ему места, «в синь семеновских лесов».

На одном из праздников поэзии я познакомилась с близкими родственницами Бориса Корнилова, жителями г. Семенова, – его племянницей Фаиной Васильевной Козловой-Смирновой и ее дочерью Светланой Геннадьевной Гудковой, она продолжает учительскую традицию семьи, сейчас директор Семеновской школы № 2.

Улыбается хохломской раскраской магазинная витрина, мимо школы, где учился будущий поэт, мимо памятника Борису Корнилову спешат юные художницы местной профтехшколы в фабричные цеха. Не иссякла здесь тяга к древнему ремеслу, красоте. Богата земля талантами, но дар поэта особый, редкостный. Такова поэзия Бориса Корнилова – голос из голосов, сгусток энергии, эмоциональности, выплеск эпохи.